

КАРЛ МАРКС И РЕЛИГИЯ

(К 30-летней годовщине смерти Карла Маркса)

I.

Марксизм представляет собою новый и в высокой степени плодотворный метод исследования явлений общественной жизни. Эту широко обобщающую стройную, логическую теорию следует признать важным и серьезным вкладом в историю мысли. Она является, без всякого сомнения, острым и надежным орудием, посредством которого мы оказываемся в состоянии вскрыть реальные коренные причины целых эпох, проникнуть в судьбы человечества отдаленного прошлого и прозреть грядущее.

Материалистическое причинное объяснение истории устанавливает закономерность борющихся социальных сил, делая, стало быть, возможным сознательное общественное и государственное строительство. Короче — марксизм постиг естественные законы истории, послужившие к разумному, планомерному воздействию на историческое поступательное движение, — такую лестную оценку дают в настоящее время некоторые буржуазные ученые историческому материализму.

Но, — продолжают они, — сделав обществоведение и политику наукой, марксизм ничего не вносит в интимный субъективный мир личности. Эта строго научная, историческая доктрина лишена элементов, способных успокоить и согреть душу, поднять человека на горные вершины и дать ему утешение в неизбежной осознанной или неосознанной мировой скорби. Человек — сложное создание. Спору нет, что материальные условия жизни, борьба за существование — дело первостепенное, принимающее острый и даже жестокий характер. Сущность, скрытые пружины этой зоологической дикой борьбы, действительно впервые были развернуты во всем их объеме и с классически ясной глубиной историческим материализмом. Но о природе «экономического фактора» можно сказать то же самое, что Шопенгауэр писал о земных ценностях вообще. Материальный гнет обладает, несмотря на все его видимое однообразие, разнообразнейшими средствами к тому, чтобы раздавить личность, чтобы выжечь все ее прекрасные задатки, но, несмотря на это, самое совершенное экономическое устройство общества, обеспечивающее всестороннее развитие личности, не в состоянии сделать эту последнюю счастливой в высшем значении этого слова.

Человек чувствует себя частью вселенной, звеном великого бесконечного. Его сознание не терпит безусловных пределов, страшны ему границы и невыносимо лукавое издевательство смерти. Единственный выход из этой трагедии человечества — религия, вера в другой мир, вечный и совершенный. Лишь эта вера может помирить нас с нашим земным преходящим существованием, лишь она создает музыку души, побеждающую земную тоску.

Так или приблизительно так говорят некоторые друзья марксизма, видные писатели из различных областей.

Посмотрим, конечно, в самом сжатом виде, справедливо ли, что марксизм лишен субъективных начал и правда ли это, что и в наше время религия, опять поднимая голову, имеет основание претендовать на роль утешительницы и сестры

милосердия человеческой души.

II.

Подобно другим великим теориям, сделавшим эпоху в развитии человечества, марксизм начинает свое исполинское историческое дело критикой и смелым, уверенным разрушением, а заканчивает творчеством и созданием новых форм жизни, действительно новых в подлинном смысле этого слова.

К области разрушительной деятельности принадлежит критика и разоблачение тайн религиозных представлений.

Религия с точки зрения материалистического объяснения истории, есть плод общественных отношений. Она является одной из разновидностей коллективного сознания, порождаемого общественным бытием, а в последнем счете способом производства.

Этот исторически-эволюционный взгляд на происхождение и развитие религиозных воззрений нашел блестящее оправдание в научных исследованиях многих областей, связанных с религиозной проблемой. Можно, следовательно, утверждать без всякого риска ошибиться, что с научной точки зрения эта проблема может считаться окончательно решенной.

И этот факт очень хорошо известен даже более или менее просвещенным теологам и вообще теоретическим, так сказать, проповедникам и спасителям религиозного мирозерцания.

Современная защита религии ведется, поэтому, почти исключительно на субъективной почве. «Пусть, — говорит религиозный субъективист наших дней, — религия будет созданием творческой фантазии; допустим, что божество, действительно, — лишь гипотеза, — и допуская это, религия все-таки сохраняет всю свою силу, все свои права и все свое прежнее внутреннее значение. Если созданная своеобразным творческим духом коллективного человечества небесная, прекрасная и совершенная страна приносит мне наивысшее блаженство; если мое представление о ней придает истинный смысл моему существованию, если я, благодаря этому моему религиозному сознанию, поднимаюсь все выше и выше над текучей, изменчивой, убегающей от меня жизнью, так отчего же, спрашивается, я должен отказаться от такой могучей спасительной силы? И какое мне дело до критического отношения положительного знания к религии? Наука — мощный культурный фактор в борьбе за земное существование. Этого никто в наше время оспаривать не может и не должен. Но пусть наука займет ей подобающее место внешнего культурного исторического двигателя, а в сфере моей духовной, интимной, сокровенной жизни ее немой, холодный и равнодушный разум совершенно бессилён».

Людям недисциплинированной мысли, чуждым умственной привычки добираться до корней вопроса, подобные соображения представляются не только убедительными, но и чрезвычайно оригинальными. В действительности же эта в логическом смысле более чем шаткая, а с религиозной точки зрения кощунственная аргументация служит лишь убедительнейшим показателем того, что это некогда господствовавшее над избранными умами миропонимание погубило окончательно и безвозвратно.

Психологическое значение религии в вышеочерченном отношении выступает

наружу, приобретая психологически-моральное влияние, с возникновением мировых монотеистических религиозных систем.

Только безусловная, непоколебимая вера в надземный мир, как в объективную доподлинную реальность, была источником того энтузиазма и духовного подъема, о которых так красноречиво распространяются теперешние модернистские пропагандисты так называемого религиозного сознания.

И что бы там ни говорили философствующие теологи, а истинно верующему бог представляется вовсе не отвлеченным духом, а скорее в виде опытного, бравого капитана, управляющего нашим кораблем, плывущим по бурному океану жизни. Древние пророки верили и видели желанное будущее, когда сойдет на землю сам Иегова, уничтожит врагов Израиля и восстановит мир, справедливость и торжество избранного им народа. И настоящим верующим христианином может быть признан лишь тот, кто проникнут верой в царство божье, в существование милосердного творца-хозяина вселенной и сына его, Спасителя, пришедшего на землю не от мира сего.

Eine feste Burg ist unser Gott,¹ — повторял Лютер в опасные и тревожные минуты мятежного периода своей жизни. В этих немногих словах реформатор с точностью указал на психологический источник его религиозной энергии.

Бог, как объективная реальность и надежный покровитель, а не гипотеза божества, построенная на субъективной потребности, составляет психологическую основу религиозных переживаний.

Исторический ход развития религиозных представлений учит нас самым убедительным образом, что эти последние возникли не из прирожденной субъективной потребности восполнить видимый мир миром невидимым, более совершенным. Наоборот, религиозная психика выступает как следствие сложнейших объективных условий общественно-исторического и классового характера.

Совершенно справедливо и в полном согласии с результатами современного научного исследования замечает Энгельс, что психологически исходный пункт религиозного творчества коренится в ограниченных и невежественных представлениях беспомощного дикаря.

Насущная практическая необходимость в объяснении явлений окружающей природы, а вовсе не стремление к религиозному утешению, было точкой отправления анимизма, в котором мы находим главные основы религии и идеалистической метафизики.

Вызванная к жизни побуждениями практического свойства, религия была и оставалась на протяжении всей истории идеологической оболочкой, формой, под которой скрывалось многообразное общественное содержание. С религиозными верованиями связаны теснейшими узами классовая борьба, национальный гнет, стремление к национальному господству, освобождению и вообще различного рода политические интересы и земные исторические надежды. Официальная истолковательница воли верховного, совершенного существа, религия, на деле проводила волю смертных и далеко несовершенных властителей земли; блюстительница законов неба, она очень настойчиво защищала произвол господствующих классов и правящих сфер, — словом, вмешиваясь почти во все

¹ Наш бог — надежная крепость.

области — не брезгуя и мелочами — человеческого существования, религия на высших стадиях своего развития была всецело, определенно и большей частью сознательно поглощена реальной живой действительностью и неутомимой борьбой за материальную светскую власть.

Но светское господство и материальные цели религии проявляли себя в строго идеологических формах, которые — идеологические формы, — как всегда, имели свое собственное и большое значение. Пуская в ход в решительные, завершающие моменты доподлинное военное оружие, духовенство в мирное время действовало энергично, ловко и, надо ему отдать справедливость, часто весьма искусно, находившимися в его распоряжении духовными средствами. А последних было немало. Религия была заботливой хранительницей старых традиций, народных обычаев, правовых норм, нравственных велений и священных, неподвижных заветов. Связав себя теснейшим образом с искусством, она нашла себе в этом последнем колоссальную поддержку — еще до сих пор не вполне оцененную исторической наукой, — оказывая в свою очередь огромное влияние на художественное творчество всех родов.

Нельзя также оспаривать той роли, которую религия играла в деле объединения и сплочения людей, шедших, конечно, рядом и в полной причинной зависимости от вызываемых ею же вражды и раздора.

Такова диалектика исторического прошедшего.

Одним словом, на определенных стадиях исторического процесса религия являлась громадной общественной силой, отражавшей полнее, чем какая-либо другая область, земную общественную действительность.

Не то мы видим теперь.

Даже для современных теологов перестал быть тайной тот бесспорный факт, что золотой век власти религии над умами и сердцами человечества пришел к концу.

Поистине сказочный рост производительных сил, изумительное развитие естествознания, внушающий гордые надежды технический прогресс, успехи научной психологии, уничтожившей одну из важнейших крепостей неба — веру в бессмертную субстанциональную душу, разветвление и специализация многих областей, составлявших некогда принадлежность религии; бесконечное и разнообразное множество средств для общения людей, мужественный духовный подъем пролетарских масс, идущих верным, твердым шагом к экономическому освобождению и к умственной и нравственной самостоятельности, — словом все воистину новые силы, зреющие в современной культуре, разрушают, чем дальше, тем основательнее остатки старых религиозных верований, и на место религии создается постепенно почва для общего нового, научного и светлого мирозерцания, основы которому положены Марксом и Энгельсом.

III.

В психологии творчества всякого гениального человека легко открыть преобладающую черту, являющуюся лейтмотивом всей его деятельности, как бы сложна и разнообразна ни была эта последняя.

Есть такая отличительная черта и в натуре и в творческом гении Карла Маркса. Этой отличительной чертой является правдивость, признание безусловного авторитета объективной истины, ее верховного суда, ее приговора, ее

суверенитета.

Тьма низких истин ему дороже, чем душу возвышающий обман, дороже по той естественной причине, что низких истин нет и не может быть, а есть и бывают низкие побуждения и позорные поступки. В каком бы оболстительном виде ни представился обман, он с точки зрения Маркса — плохой и ненадежный воспитатель человеческой природы.

Творец научного социализма приступает к исследованию предмета бесстрашно, с полным героическим риском. «Пусть будет что будет, но не могу, не желаю, считаю унижительным для человеческого достоинства, постыдным для человеческого ума, несчастьем для человеческого сердца закрывать глаза на действительность и искать утешения в иллюзиях. Человек должен иметь мужество познать объективный мир, вступить с действительностью в бой и победить ее и объективно и субъективно». Вот что слышно, вот что чувствуется прежде всего в бессмертных творениях автора «Капитала».

Страстно искавший объективной опоры для общественных идеалов гениальный Белинский писал:

«Нашему веку не нужно шутовских бубенчиков, приятных заблуждений, ребяческих погремушек, отрадных утешительных лжей. Если бы ложь предстала в виде юной и прекрасной женщины и с улыбкой манила в свои роскошные объятия, а истина, в виде страшного остова смерти, летящего на гигантском коне с косою в руках, — он отвергся бы с презрением и ненавистью от оболстительного призрака и бросился бы в мертвящие объятия остова. Ему лучше ощутить себя в действительных объятиях страшной смерти духа, чем схватить в свои руки призрак, долженствующий исчезнуть при первом к нему прикосновении».²

Маркс был истинным и глубочайшим выразителем схваченного критиком гордого требования XIX в. И тем возможнее оказалось для Маркса держаться надежной почвы действительности, что его прозорливому гению последняя раскрылась своей разумной стороной, разоблачив ему свою тайну, что история ставит себе осуществимые задачи.

Совершенно в духе требованиям Белинского характеризует Энгельс сущность марксова и своего собственного мирозерцания: «При разложении гегелевской школы, — пишет великий сооснователь научного социализма, — образовалось еще одно единственное, действительно плодотворное направление. Это направление теснейшим образом связано с именем Маркса. Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились смотреть на действительный мир — на природу и историю — без идеалистических очков и видеть в нем только то, что он собою представляет. Они решились без всякого сожаления отказаться от всех идеалистических взглядов, несогласных с явлениями действительного мира, взятыми в их истинной, не фантастической связи».³

Понятно вполне, что направление, решившееся отказаться от идеалистических сновидений, должно было прежде всего отвергнуть религиозное мировоззрение. Так оно было на самом деле.

² Белинский, собр. соч. т. IV, стр. 254.

³ «Людвиг Фейербах», перев. с предисловием и примечаниями Г. В. Плеханова, стр. 60. С.-Петербург 1906.

В знаменитом введении «К критике гегелевской философии права» Маркс наметил с присущим ему своеобразным проникновением в корень вопроса исходные положения критики религии. Вот что там писал Маркс: «Для Германии критика религии по существу закончена, а критика религии есть предпосылка всякой другой критики. Раз опровергнута *oratio pro aris et fosis* (речь в защиту алтарей и жертвенников), в защиту заблуждения, скомпрометировано и его мирское существование. Человек, который в воображаемой действительности неба искал сверхчеловека и нашел лишь отражение себя самого — не-человека, не будет искать своего отражения там, где ищет и должен искать истинной своей действительности.

Человек делает религию, а не религия делает человека, — вот основа антирелигиозной критики. Религия, это — самосознание и самоощущение человека, который либо еще не обрел себя, либо снова потерял себя. Но человек не отвлеченное, вне мира торчащее существо. Человек, это — человеческий мир, это — государство, общество. И это государство и это общество порождают религию, т. е. вывернутое наизнанку сознание мира, потому что они не что иное, как вывернутый наизнанку мир. Религия, это — всеобщая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический *point d'honneur*, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное завершение, его всеобщее утешение и оправдательный документ. Она — фантастическое осуществление человеческого существа, — фантастическое, так как человеческое существо не достигло еще истинной действительности. Следовательно борьба против религии есть в то же время борьба против этого мира».⁴

Эта сжатая, полная железной умственной силы характеристика сущности и коренных основ религии не нуждается в пояснениях. Точка зрения творца исторического материализма ясна до очевидности. Религия в целом представляет форму общественного сознания, обусловленную общественным бытием.

Но в этой связи и в данный исторический момент важно выдвинуть глубокий взгляд Маркса на психологические условия религиозного сознания в индивидуальном значении, в смысле фактора воспитывающего личность, его оценку так называемой религиозной потребности. «Религия, — говорит Маркс, — это самосознание и самоощущение человека, который или еще не обрел себя или опять потерял себя».

Это замечательная и глубокая психологическая истина.

Наивный, но с проснувшимся сознанием дикарь, бессильный дать естественное объяснение духовным процессам человека, превращает эти последние в самостоятельные духовные существа, образующие для него мир высший, командующий телесным видимым миром. Незнание законов и содержания своей собственной духовной природы приводит его к тому, что он отделяет свою собственную психическую жизнь от самого себя, удваивает, говоря словами Авенариуса, чувственно воспринимаемый реальный мир и самого себя, поклоняясь рабски им же созданному царству теней.

Охвачен также внутренним беспокойным стремлением к религиозным верованиям человек и высшей культуры, но потерявший — обычно под влиянием

⁴ «Aus dem literarischen Nachlass» etc., S. 384-385, Bd. I.

определенной совокупности условий общественной жизни — *равнодействующую* своего субъекта, свое «я».

Утрата живой, органической связи с общественным целым, с историческим прошедшим и зреющим будущим, — словом, разрыв с *действительным миром* побуждает его искать помощи, защиты и опоры в мире фантастическом, не существующем, в старых, давно разбитых вдребезги богах.

Что касается религиозности народных масс, то их вера, с точки зрения автора «Капитала», представляет собою ясный и непосредственный результат их исторического положения, обусловленного экономическими отношениями. «Религия, — читаем мы там же, — это вздох притесненного создания, сердце безжалостного мира, дух бездушных отношений. Она — опиум народа.

Уничтожение религии как призрачного счастья народа — необходимое условие для осуществления его действительного счастья. Требуя уничтожения иллюзий за счет положения народа, мы требуем уничтожения положения, нуждающегося в иллюзиях. Критика религии есть, таким образом, зародыш критики юдоли печали».⁵

Религия в историческом смысле является, по мнению Маркса, ступенью развития в коллективном сознании человечества, но ступенью, превзойденной философски, теоретически окончательно.

Для человека высшее создание — человек; он самое совершенное звено в великой мировой эволюции, но он должен ясно сознать это, понять своё истинное привилегированное положение в природе, чувствовать свою собственную мировую стоимость. А для этого ему необходимо вернуть себе прежде всего затерянный в темной пропасти мистической веры свой духовный, ему принадлежащий внутренний мир.

Разрушение религии оказывается, поэтому, одним из могущественных средств к освобождению личности человека.

Прочтем в заключение еще одно место из цитируемого классического трактата: «Критика, — говорит великий наш учитель, — сорвала мнимые цветы с цепей не для того, чтобы человек носил другие цепи, лишённые фантазии и утешения, а для того, чтобы он сбросил цепи и сорвал живой цветок. Критика религии разочаровывает человека для того, чтобы он начал мыслить, действовать, формулировать свою действительность как человек отрезвленный, у которого проснулся рассудок, для того чтобы он начал вращаться вокруг себя самого, своего действительного солнца. Религия — это лишь призрачное солнце, которое вращается вокруг человека до тех пор, пока он сам не начинает вращаться вокруг самого себя».⁶

Мы видим, таким образом, что человек, его достоинство, его духовное существо, его свобода, его ценность и его счастье составляют центральную идею марксовой критики религии.

Эта центральная идея проникает собою теорию Маркса - Энгельса.

Диалектический материализм объединяет в своем всеобъемлющем учении природу и историю, свободу и необходимость, теорию и практику, науку и жизнь, этику и политику.

⁵ Там же, стр. 385.

⁶ Там же.

Его исходная точка — единство мира, его конечная цель — освобождение личности.

Твердое и ясное убеждение в том, «что человек делает религию, а не религия делает человека» избавляет последнего от расслабляющих обманчивых надежд, от «призрачного счастья», делая его уверенным, деятельным и энергичным гражданином земли. А поэтому «критика религий есть предпосылка всякой другой критики».

Но человек — не Робинзон на своем острове, он не существует отдельно и немислим как абсолютная единица. «Человек — это человеческий мир, это государство, общество». А общество и государство определяются объективно сложившимися экономическими, точнее, производственными отношениями, составляющими их основу, их фундамент. Личность является, таким образом, сложным продуктом всей совокупности общественных сил в полном значении этого слова. Отсюда следует, что освобождение личности предполагает коренной социальный переворот и создание планомерного, сознательно организованного общества, в котором «свободное развитие каждого является условием развития всех».

Но что сулит научный социализм внутреннему, интимному миру личности? Какие элементы этого мирозерцания призваны заменить утешительную веру в бессмертие? Так спрашивают люди, не могущие преодолеть идолопоклонства перед прошлым и отрешиться от иллюзии, что иллюзия не может дать настоящего счастья и удовлетворения духа.

На первый вопрос марксизм отвечает: — Все кроме обмана и призраков.

Природа, история человечества, общественность, свободная наука, свободное искусство — разве же все это не достаточные источники для полной, интенсивной всесторонней духовной жизни, для творческой фантазии, для широкой, захватывающей деятельности, для внутреннего мира, для проявления и развития высших нравственных начал и наконец для роста и культивирования чувства прекрасного?!

Что касается второго вопроса, вопроса о бессмертии души, то на этот вопрос в наше время определенно и ясно отвечают одни лишь попы.

Просвещенные же теологи, следящие так или иначе за ходом и результатами научной мысли, уклоняются от старого решения этой, с позволения сказать, проблемы. Они настолько добросовестны, а быть может, настолько осторожны, что прямой загробной жизни не обещают, предпочитая говорить, правда, очень красноречиво, о необходимой связи живущего человека, а не мертвеца, с божеством.

Сознание и чувство связи с общим вселенским целым — глубокое, незаменимое утешение. Это великое начало, без которого невозможно создать ни истинно интеллектуального, ни истинно прекрасного. На всех классических творениях, к какой бы области они ни принадлежали, лежит яркая печать этой живой связи.

Но этим великим целым должно быть научное мировоззрение, объединяющее законы природы и принципы исторического движения.

Философия, — говорил Маркс, — должна сделаться мирской для того, чтобы мир стал философским.

К этому идеалу гениального мыслителя, который был исполнен гордого сознания духовной мощи человека, ведет современная культура многими путями.

1913 г.
